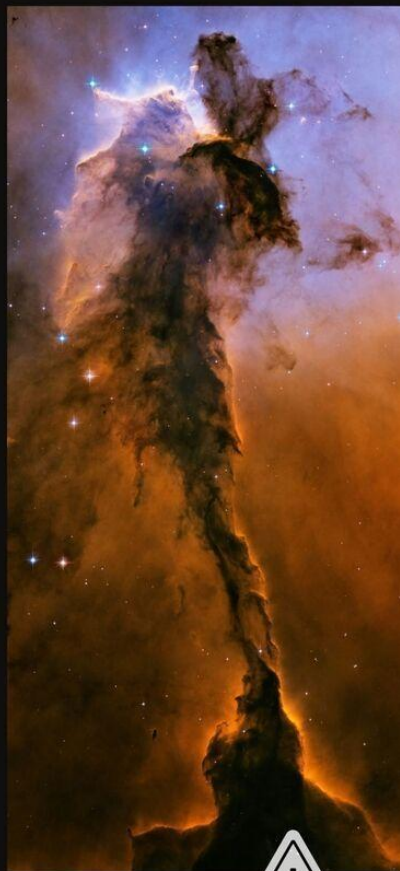

18+

Стелла Фракта

АРХИТЕКТОР НЕ ОЦЕНИТ СТРАДАНИЙ

Сборник

Стелла Фракта

Архитектор не оценит страданий. Сборник

<https://litres.ru/74504107>

ISBN 9785007130202

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Эрик, отец-одиночка, мучимый чувством вины из-за депрессии сына, пытается забыть бывшую жену в случайной связи с незнакомкой — но получает возможность задать тот самый экзистенциальный вопрос Архитектору Этой Вселенной. В сборник также вошли инициатическая новелла «Тени Флоренции» о молодом шпионе Ричарде из серии об алхимиках, поэтах и лжецах, и рождественский триллер «Одни дома» о детях богатых родителей из вселенной серийных убийц Балтимора.

Содержание

Архитектор не оценит страданий	6
1. Преступления жестокого бога	6
2. Игра на контрастах	19
3. Два кресла	24
4. Благодарность как одолжение	33
5. Тигр и дракон	42
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Архитектор не оценит страданий Сборник

Стелла Фракта

Обложка (дизайн) Alexandra Undead

Обложка (фото) NASA Hubble Space Telescope on
Unsplash

© Стелла Фракта, 2026

ISBN 978-5-0071-3020-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В сборник «Архитектор не оценит страданий» вошли одноименное философское эссе о разговоре с Богом — создателем Вселенной Расщепленной Звезды, инициатическая новелла «Тени Флоренции» и рождественский триллер «Одни дома».

Эрик, отец-одиночка, мучимый чувством вины из-за депрессии сына, пытается забыть бывшую жену в случайной связи с незнакомкой — но получает возможность задать тот самый экзистенциальный

вопрос Архитектору Этой Вселенной.

Куратор библиотеки Каппони приглашен в художественную студию Альбины Люпо, флорентийской владелицы частной галереи. Он достаточно проницателен, чтобы понять, что натурщик Ричард — ее молодой любовник — не тот, за кого себя выдает.

Если хочешь узнать о семье, посмотри на их ребенка. Лукасу Гаитольду шестнадцать, на Рождество он остается приглядывать за шестилетним мальшом Уиллом Гатти, одиннадцатилетними Аллексом Серретом, Уильямом Густавссоном и Виктором Майером, двенадцатилетними Нилом Блейком и Диланом Вермиллионом в доме семьи фон Райхенбергов.

Архитектор не оценит страданий

1. Преступления жестокого бога

— И вы вините себя за это.

— Да.

— Но ведь в чувстве вины нет никакого смысла.

Эрик вздохнул, пошевелился в кресле, окинул взглядом кабинет — с мезонином библиотеки, подпираемым резными колоннами и арками, с просторным пространством в центре, письменным столом, кушеткой и собеседником напротив, отзеркаливающим позу.

Затем он посмотрел на психиатра.

— Это *человеческое*.

— Вот как.

— Невежество, эскапизм, повторение ошибок... Повод думать, что я неудачник, повод думать, что если я безнадежен, то с меня не будут спрашивать строго.

— Вам когда-нибудь делали поблажки?

— Нет.

Он ответил спустя мгновение, он старался ответить честно. Даже когда ему говорили: «Что с тебя взять?», с него брали еще больше, чем с *обычного*.

— И их не будет. Вы усложняете себе жизнь ненавистью

к себе. Архитектор не оценит ваших страданий.

Жестокий творец, рациональный бог, создавший Вселенную, поместивший в центр Звезду, запустивший цикл через роковые закономерности инвариантов, с несчастными куклами в театре марионеток¹. Куклы прокляты, куклы умирают и возрождаются, повторяя раз за разом трагичный сценарий, умножая версии Вселенной, Архитектор ушел и больше не глядит в свой аквариум, он ему наскучил... В аквариуме все предопределено, все предрешено — всякому бы надоело.

Эрик промолчал и лишь покачал головой.

— Что бы вы сказали Архитектору, если бы встретили его?

— Сказал... — Эрик усмехнулся. — Сказал бы, что ужасней задумки я представить себе не мог. Больная фантазия, безвкусица.

— Вы бы создали лучше?

— Я бы вообще не создавал. Не умеешь — не делай. Обречь на бесконечную агонию, непроходящую боль, незаживающие раны... Создать жизнь — чтобы оставить умирать, не один раз — а множество! Бросить, забыть, отвернуться.

Он разозлился, он не скрывал гнева, он говорил сквозь зубы, он морщился — как от боли.

— Вы бы так не поступили.

¹ Подробнее о Вселенной Расщепленной Звезды — в романах Стеллы Фракта «Безымянная скрипка», «Дикий и неистовый», новеллах «Лунный свет», «Сбор урожая» и др.

Эрик фыркнул. Он только сейчас понял, что все, что он говорит — про Виктора. Про сына, которого он пытается спасти — и боится совершить непоправимую ошибку.

— Я не знаю, как бы я поступил. Если бы создал... Я не...

Он пришел к психотерапевту за помощью, обнажать душу это нормально... У него нет привычки скрывать эмоции, по нему всегда видно, злится он или радуется, расслаблен или напряжен — но он редко говорит правду. Он лжец, фокусник, он умеет отвлекать от сути, он умеет хранить секреты.

— Я не планировал иметь детей. Я никогда не думал, что стану отцом. А когда стал — это было как гром среди ясного неба. Я был придурком, я его отпугивал своими действиями, я никогда не понимал, почему он продолжал тянуться ко мне... Я не хочу ему навредить. Темные Небеса, больше всего на свете я хочу его уберечь.

— От себя.

— Наверное. Не знаю. Да.

— Вы не жестокий немудрый бог, вы не великий Архитектор.

Эрик усмехнулся.

— Хуже.

— Вы не станете ему вредить.

— Не стану. Наверное... Видите, я даже в этом уже не уверен.

— Просто вы сейчас думаете одновременно о разных вещах, и мысли лезут одновременно. Вы любите его — и вы

позаботитесь о нем.

Он неуверенно кивнул, взгляд остановился на черной статуэтке оленя. Пьер Жюль Мэн, французский скульптор-анималист XIX века.

— Вы хороший отец. Это видно.

— Вы думаете, если вы мне это скажете, я поверю?

— Это мнение со стороны. Вам часто говорят, что вы хороший отец?

Эрик нахмурился. Какая-то часть него была ребенком, который от досады хотел перевернуть шахматную доску, сесть на задницу посреди комнаты и зареветь — но безучастный родитель, тот самый Архитектор, никогда не слышал его плач и не видел его слез, даже когда они были видны и слышны всем.

— Нечасто. Но говорят.

— Виктор вам это говорит?

— Говорил, — Эрик улыбнулся, будто в недоумении. — Я тогда не понял, зачем он вообще об этом говорит — и с чего он так решил...

— Вы однажды сказали, что он мудрее вас.

— Не во всем... — он скривился, а затем добавил, смягчившись: — Да, мудрее.

— Он любит вас.

— Наверное.

— Вам это важно?

— Да. Не знаю... Доктор Гаштольд², какие у вас, все-таки, вопросы неуютные!

— Неуютные, потому что нужно прилагать усилие, чтобы ответить — искать ответ или доставать изнутри неприятную правду.

Важно ли, что его сын его любит? Конечно, важно. Но это никогда не было целью — он даже не хотел Виктору понравиться. Он вел себя отвратительно, он не был хорошим примером, он слишком поздно понял, что нужно было делать все иначе, *по-человечески*... Но Виктор все равно на него смотрел широко распахнутыми глазами, с безусловным доверием — даже когда Эрик забывал, насколько сильно он может ненароком ранить.

Виктор терпел. Виктор старался понять его... Виктор говорил ему то, что ему никто никогда не говорил. И кто кому еще был отцовской фигурой?

Желание научить, поделиться, подпустить ближе и передать что-то ценное было сознательным — потому что Виктор был не по годам смышленным и способным. Желание спасти было инстинктивным, почти неосознанным. Увезти подальше и защитить, дать все, что можно, лишь бы он больше не испытал той боли, чтобы забыл о том, что произошло...

Эрик был уверен, Виктор возненавидит его — за то, что

² Доктор Лукас Гаштольд участвует в романах «Рыцарь, красавица, чудовище, шут», «Рассказчик из Уайтчепела» и «Замок Альбедро», а также в новеллах «Тени Флоренции», «Одни дома» и др.

он увез его от матери. Виктор ненавидел — поначалу. Эрик считал, что Виктор простил его лишь потому, что ему больше не к кому бежать...

Виктор большую часть жизни был беспризорным — ему и без надсмотрщика хорошо. Он остался. Почти восемь лет прошло.

— Я никогда не измерял свою ценность любовью сына.

— Потому что вы ее себе не присваивали.

— Может быть.

Доктор Гаштольд всегда оказывался прав — даже когда Эрик сперва возражал, сопротивлялся и негодовал. Доктор Гаштольд видел его насквозь — и чувство это было на стыке ужаса, с ползущими по затылку мурашками, и облегчения.

Так у него было только со Стеллой, матерью Виктора. Ей он отдался с потрохами... Виктор тоже отдался ей с потрохами — и они оба до сих пор залечивают раны.

Каждый раз, когда Эрик в гневе называл Стеллу чудовищем — но никогда больше с тех пор, как они уехали от нее, не называл вслух по имени, — Виктор кричал, почти с визгом, что он неправ.

Первая попытка суицида Виктора была в шестнадцать — когда он ждал, что Стелла найдет его, заберет его, выкрадет его... Она не пришла, Эрик едва успел схватить его за ноги, на подоконнике номера парижского отеля.

Эрик тогда чуть не поседел, он держал Виктора крепко — а тот вырывался, как дикий зверь, а потом резко затих,

будто села батарейка. Эрик не знал, что делать, ему вовсе не хотелось ругать его, трясти, как котенка, выбивать из него обещание, что он больше не будет так делать...

Виктор перепробовал, казалось, все, но его откачивали — либо Эрик, дома, либо кто-то в ночном клубе, на полу туалета. Его вылавливали из воды рыбаки или туристы на катере, он с такой задумчивостью смотрел на поезда на железнодорожных путях, что Эрику становилось жутко.

Каждый раз Виктор говорил: «Я больше не могу» и «Я больше не хочу», а в последний раз он попросил его отпустить и больше не мучить.

Последняя попытка была два года назад.

Эрику было страшно представить, что было бы, если бы он его не уберег. Это не было родительским эгоизмом. Виктор заслуживает всего самого лучшего на этом свете — и то, что ему больно и невыносимо жить, было ужаснейшим из всех преступлений жестокого бога.

Эрик ощущал свое бессилие. И, конечно же, он винил себя за это: что он был плохим отцом, что он нечуткий, что он тупой и слепой, что он жестокий, что он не достаточно старается — и что сам он ничуть не лучше Стеллы, такое же чудовище.

Эрик считал, что Виктор несчастен, потому что ему не повезло быть его сыном.

Виктор красивый, добрый, талантливый. Виктору недавно исполнилось двадцать три... Парадокс, неразрешимый, раз-

рывающий голову изнутри, не давал покоя: Эрик считал, что ему не следовало становиться отцом, однако если бы ему дали решать, появляться ли Виктору на свет, он бы однозначно хотел, чтобы Виктор жил.

Потому что Виктор заслуживает жить. Он лучшее, к чему вообще Эрик на этом свете был когда-либо причастен.

Виктор редко улыбался, он изображал улыбку. Он жил в ожидании, пусть со временем уже *все понял*. Со Стеллой ему будет еще хуже — и то, что она ему могла предложить, никогда не было любовью.

Она любила себя в нем, он отражал ее, он впитывал ее, как губка, он растворялся в ней, и от яда нет противоядия.

Эрик бы не понял, *что* Стелла такое на самом деле — если бы не увидел, что она сделала с Виктором.

Расщепленная Звезда, центр Вселенной... Вечно голодный вендиго, поглощающий все, что приближается — под действием гравитационной силы. Искусственная реальность, кривые зеркала, причинение любви, как насилия, инвалидизирующая забота, забирающиеся под кожу и ребра ласковые руки. Поцелуй, от которого остается ожог, а кровь уже отравлена.

Эрику было проще, он сам чудовище... У Виктора не было иммунитета и не было защитной брони. Виктор добровольно лег на стол перед монстром, подставил живот, как доверчивый кот, которого обещали кормить и гладить, если он будет покорным и никуда не уйдет, сам вложил в лапы мон-

стра столовые приборы.

Эрик тоже так делал... И сделал бы снова — если бы не понимал, что у этого один финал. Ей все равно будет мало — и она доберется до Виктора. Она будет убеждать его, что он счастлив — и он будет счастлив, когда она рядом, он будет грустить, когда она оставляет его — на время. Он будет зависим от нее.

Даже когда он был ребенком — подростком — это вызывало вопросы. Он привязался к ней моментально, он влюбился в ее по уши. Эрик косился на них, убеждал себя, что Виктор на всех бы так реагировал, что он так показывает свою любовь к тем, кто взял его в семью... Эрик еще тогда не знал, что Виктор появился у них дома неспроста.

Стелла четырнадцать лет скрывала от него, что у него есть сын³. Стелла четырнадцать лет сама своего сына не видела — а потом притащила его с улицы в квартиру, заявив, что он теперь будет с ними жить.

Эрик принял все. Виктор — бездомный подросток с диковатым взглядом серых прозрачных глаз из-под длинной челки — ему почему-то понравился... Но когда — уже спустя время — Стелла сказала правду, он не выдержал.

Он ушел от нее, оставил их вдвоем. Виктору говорить о том, что она его мать, Стелла не собиралась...

Несколько месяцев спустя Виктор изменился. Он повзрослел, он утверждал, что он счастлив, что у него все хоро-

³ Отсылка к роману «Дикий и неистовый».

шо. Эрик верил — и в то же время видел, как какая-то часть Виктора кричит о помощи. Виктор сам хотел общаться, они много времени проводили вместе, но Эрик больше ни разу не переступал порог их общего дома.

Потом Эрик понял, что происходит, он ужаснулся, насколько он был слепым, тупым, глухим, в своей дурацкой гордости. Стелла не просто так четырнадцать лет держалась от Виктора подальше — и лучше бы не приближалась к нему вовсе.

Виктор был чудесным ребенком — даже если его всю жизнь ломали и обманывали. Даже она его не испортила — но она выпотрошила его, привязала к себе, дала под видом любви вовсе не то, что ему было нужно.

Эрик недоумевал, неужели она и с ним проделывала подобное? Он терпел все, он убегал и приползал обратно, он винил себя во всем, он был одержим, он приносил к ее ногам все, что только можно было вообразить.

Он был счастлив — по-настоящему счастлив с ней... Но то, что она родила от него ребенка и ему об этом не сказала, отдала ребенка в приют — чтобы уберечь от себя же самой — было невыносимым. Можно было сделать иначе — по-человечески — но она этого не сделала!

Ему хватило ума начать сомневаться во всем. Любовь созидает, а не разрушает. Любовь исцеляет, а не калечит и приносит страдания.

Ее останавливала от насилия только эмпатия — которая

по неведомой причине, по задумке чертового Архитектора — распространялась только на Эрика. И Виктора. Но с Виктором даже это не останавливало... Наверное, потому что эндорфины были его обезболивающим.

Эрик выпал из реальности, он давно потерял нить диалога с доктором Гаштольдом, погруженный в мысли.

— А что бы вы попросили у Архитектора, если бы встретили его?

— Одно желание?

— Можно два.

— Отпустить Виктора... В смысле, дать ему жить. Освободить его от нее.

— А для себя?

— У меня все есть.

— Вы не похожи на альтруиста.

— Я ни на кого не похож... — Эрик вздохнул. — Не знаю. Я не придумал.

— Как бы вы узнали, что Виктор освободился?

Эрик задумался. У Виктора ни друзей, ни подружки, он всегда один — он бежит от привязанностей.

— Когда он переключится на кого-то, — ответил Эрик. — Перестанет пить и уходить на всю ночь в клубы и возвращаться в полумертвом виде. Когда начнет улыбаться.

— А вы?

— Что, я?

— Освободились?

— Да.

— Вы носите кольцо.

— Чтобы никто ко мне не лез.

— Это не свобода.

— Мне так нравится.

— У вас не было отношений восемь лет.

— И пусть столько же не будет.

— Вы кормите нарцисса даже на расстоянии. Вы храните ей верность?

Эрик поморщился.

— Нет.

Он солгал.

— Подайте Виктору пример — что она вас больше не держит. Заведите подругу.

— Я не хочу.

— Это домашнее задание от вашего психотерапевта, Эрик.

— Я не хочу.

— Хотя бы займитесь сексом.

— Бесплезная трата времени.

— Тогда признайтесь, что дело в верности.

Эрик не знал, что сказать.

— Могу кольцо на другую руку надеть, — он демонстративно снял кольцо с левой руки и надел на безымянный палец правой. — Вот так. Теперь я вдовец.

Доктор Гаштольд улыбнулся.

— Чтобы стать вдовцом, придется убить жену. В вашем случае проще развестись.

У Эрика хватило сил только на короткий смешок. Время сессии подходило к концу.

— Я понял. Спасибо, доктор Гаштольд, — произнес он, поднимаясь с кресла. — Мне пора.

— У музыкантов удивительное чувство времени.

— Нет, просто у вас следующий пациент за дверью в приемной очень пунктуальный.

Они попрощались, Эрик покинул кабинет. Он ошибся лишь в том, что следующим к Лукасу Гаштольду явился не пациент, а студент-психиатр — за консультацией.

2. Игра на контрастах

— Потрахаемся?

Девушка приподняла брови и сделала глоток из коктейльной рюмки, прежде чем ответить.

— Я сперва разговариваю.

— Хорошо, разговариваем.

Он не сразу понял, почему выбрал именно ее. Она была в парике с челкой и прической каре цвета розового шампанского, в носу — кольцо пирсинга, на левой руке и плече уходящий на лопатку абстрактный узор черной татуировки в виде пчелиных сот и геометрических паттернов.

Ее лицо сияет от хайлайтера. Макияж наверняка испачкает ему одежду.

Эрик облокотился на барную стойку, делая вид — вовсе не притворяясь — что во всем зале ночного клуба его интересует только она одна. Он уже был под кайфом, она прекрасно видела его расширенные зрачки, он намеренно ничего не заказывал, чтобы быть в фокусе. Он мог позволить себе быть последней скотиной, но это право всегда останется с ним — и потому лишь разглядывал девушку рядом с собой.

Он молчал.

— Как тебя зовут? — спросила она.

— Эрик.

Незачем скрывать и придумывать себе имя. Он видит ее

в первый и последний раз в жизни. Она не представилась.

— Что ты любишь пить, Эрик?

— Вино.

У нее был приятный голос. Она не пыталась перекрыть музыку с танцпола, при желании он бы прочел по губам.

— Какое?

— Токайское.

Она вновь вскинула брови, вновь поднесла бокал к губам.

— Оно же сладкое.

Она поморщилась с улыбкой, в ее рту он разглядел наращенные клыки. Эрик невольно усмехнулся.

— Да.

— А еще?

— Сухой вермут с водкой.

— Игра на контрастах.

Она рассмеялась. Он солгал про вермут с водкой.

— Мы достаточно поговорили?

Она покачала головой.

— Я различаю людей по голосу и по запаху, я хочу понять, что ты собой представляешь. Мне нужно, чтобы мне было вкусно.

Это какой-то особый формат флирта? Она была серьезна, она смотрела на него внимательно. Эрик прищурился.

— Во время секса я не разговариваю.

— Это неважно. Тело — резонатор, голос отражает то, что происходит внутри тебя.

— Ты и диагноз можешь поставить по голосу?

— Могу.

Он усмехнулся, расслабленно прикрыл веки на мгновение. Она странная. Если она окажется серийным убийцей-каннибалом, будет весело.

Она ростом ему по плечо, она худая, у нее маленькая грудь и узкие бедра. При желании он может закинуть ее на плечо... Эрик тоже худой, но высокий — больше шести футов ростом.

— И какой же?

— Не скажу.

Он забрал у нее из руки бокал, он едва сдерживал смех. Ей не мог не понравиться его голос, он прекрасно понимал, о чем она говорит, он тоже обращал внимание на голос, и мог понять что у человека внутри — анатомически.

На душу ему всегда было плевать. У представителей рода человеческого редко бывает душа, которая его привлечет. К телам он был всегда безразличен.

Эрик сделал глоток, девушка не сводила с него глаз. У нее темные глаза, темные брови, длинные ресницы. Под париком она брюнетка или шатенка.

Он отдал коктейльную рюмку ей, пальцы соприкоснулись. У нее ледяная рука.

— Пойдем.

— Куда?

— В туалет.

— Жесть.

Она поставила бокал на стойку, он наклонился к ней, он смотрел ей в лицо, она улыбалась. Когда они протискивались между потными горячими телами на танцполе, двигаясь к выходу из зала, Эрик почему-то был пьян, голова кружилась, но его ничего не смущало.

Он держал ее за запястье и тащил за собой по коридору, он затолкнул ее в кабинку, но не запер дверь на щеколду, потому что забыл. Она не напонила ему, хотя он был готов поспорить, она на все это обратила внимание.

Рукам было горячо от прикосновений к ее талии, к ее бедрам. Поцелуй был странным, чужим, горько-сладким, как ее коктейль, не похожим ни на Токайское, ни на вермут с водкой. Клыки поцелую не мешали.

Сердце бешено колотилось в груди, он будто изнывал от жажды, от ее ладоней на своем члене он невольно подавался вперед, прижимался к ней, еще больше вкладывал себя ей в руки. Она сбросила на пол свои шорты и трусы, она растегнула на нем рубашку. В тот момент он не думал, что она видит и ощущает его шрамы.

Ему было вкусно. Он и не думал, что будет так.

Одной рукой он крепко держал ее за затылок, вторая рука была внутри нее. Пальцы двигались ритмично, она уже замерла, вцепившись в его плечи мертвой хваткой, как кошка в игрушку, она не издавала звуков, лишь дышала в такт его толчкам. Член был зажат между их телами, одурманивающее

чувство контроля, власти в своих руках...

Она кончила, он еще несколько секунд держал ладонь прижатой к ее паху, ощущая пульсацию. Очередной глубокий поцелуй — и он еще больше возбуждился, упираясь членом ей в бедро, ведя им поперек живота.

Он достал из кармана спущенных брюк презерватив и надел его сам, он резко поднял ее под бедра, прислоняя лопатками к стене кабинки, он зачем-то полез с поцелуем к ее губам, вспомнил вдруг — с закрытыми глазами — что это не та женщина, которую он хотел бы иметь...

Она растерянно смотрела на него, когда он вдруг опустил ее обратно на пол, отступил назад, толкнул дверцу.

Он шел по коридору не оглядываясь, он на ходу застегивал брюки и рубашку. Он выбежал из клуба, сел в машину, он переводил дух и смотрел на свою левую руку. Он не сразу понял, что не потерял кольцо — а оно просто было на другой руке.

Руки были в перламутровом хайлайтере, руки были чуть липкими, эрекция еще не прошла. Безумие...

Душ все исправит. Жаль, что память себе стереть нельзя.

3. Два кресла

Гаражная распродажа устраивается не только, чтобы распродать хлам — это целое мероприятие, социальное, масштабное, шумное и на весь день.

Полуденное солнце слепило глаза, Виктор и Теодор таскали коробки на задний двор, Эрик пришел ненадолго — чтобы только посмотреть и, может быть, купить что-нибудь себе — потому что он был барахольщиком.

До того как Виктор обозвал его барахольщиком, он и не догадывался... Они переехали недавно, а новая квартира в Маунт-Роял-Террас, элитном районе Балтимора⁴, уже обросла вещами и хламом. Виктор в шутку предложил принести что-нибудь от себя — чтобы продать на гаражной распродаже, устроенной подругой Теодора и ее семьей.

Архитектор услышал запрос — и подарил Виктору друга. Эрик как-то раз встретил их случайно, в местной кофейне. Виктор представил их — а затем приобнял Теодора за талию и сказал, что они лучшие друзья. Эрик обомлел — но виду не подал.

Он был рад. Теодор лепетал что-то про то, что он порядочный, без вредных привычек, что учится на психиатра...

⁴ Балтимор, Маунт-Роял-Террас — место действия романа «Рыцарь, красавица, чудовище, шут», отсылка к циклу произведений по вселенной серийных убийц Балтимора.

Эрик видел его однажды в офисе доктора Гаштольда, он сразу его вспомнил. Он не стал выпытывать подробности, по Виктору и так все было ясно. Он изменился за последнее время, ему было лучше, он стал живее, в глазах появился блеск.

Он наверняка еще будет сопротивляться, будет недоверчиво уворачиваться от искренней заботы и проявлений любви, бояться перепутать их с приманкой нарцисса... Но он оттаивает. Он не безнадежен — и у него обязательно все будет хорошо.

Виктор и Теодор хихикали, девушка с серыми глазами и русыми волосами по-деловому управлялась с соседями, обступившими раскладные столы. Девушку звали Долли⁵, она была на два года младше Виктора — но иногда было что-то в ее взгляде не по возрасту взрослое.

Будто она, как и они, проклятые на бесконечный цикл перерождений во Вселенной Расщепленной Звезды, живет уже сотни лет.

— Эрик, лимонад?

Аллекс⁶, отец Теодора, широко улыбнулся, Эрик кивнул. С ним можно обсудить и ледогенератор, и местные криминальные новости, и алкогольные напитки, он всегда громко и

⁵ Долли Вермиллион и ее дочь Дороти Мэллори участвуют в романе «Байесовская игра».

⁶ Аллекс Серрет — один из главных персонажей романа «Рыцарь, красавица, чудовище, шут».

искренне хохочет над чернушными шутками Эрика — возможно, потому что больше двадцати лет работает в ФБР.

Аллекс чуть старше Эрика, но выглядит молодо, а на трость опирается из-за старой травмы позвоночника. Эрик в свои сорок два ощущал себя стариком — хотя тоже, по словам окружающих, выглядел молодо.

— Все натуральное, только свежие лимоны и мята, рецепт от шефа, — с выражением объявлял Аллекс гостям, протягивавшим руки за лимонадом. — Стаканчик из тростника, полностью из растительного материала, перерабатывается как бумага, при разложении превращается в удобрение. Но есть его не надо. Спасибо, спасибо. Наслаждайтесь!

Эрик тихо смеялся и уже шел дальше, вглубь двора, соседи ему нравились. В кресле-качалке под тентом — но не в тени — сидела мать Долли, Нил. Однофамилец она Уильяма Блейка⁷ или потомок, Эрик не знал — но точно знал, что Нил Блейк⁸ графический дизайнер и художник. В руках Нил был скетчбук и карандаш, она лишь изредка поглядывала поверх очков в сторону оживленной толпы.

Широкоплечий мужчина спортивного телосложения подошел к ней и надел ей на голову красную бейсболку. Нил просияла, ее маленькая ладонь ненадолго поймала ладонь бодибилдера, и тот направился в сторону импровизирован-

⁷ Уильям Блейк — персонаж романов «Невероятный шпионский детектив» и «Замок Альбедро».

⁸ Нил Блейк упоминается в новелле «Одни дома».

ной барной стойки, где напитками — исключительно безалкогольными — заведовал Аллекс.

У бодибилдера были такие же серые глаза и рубленый профиль, как у Долли. И цвет волос был такой же... Его все звали Ди, Теодор звал его «дядя Ди». Виктор обращался к нему «мистер Ди»⁹, Долли звала его папой.

У Ди была своя небольшая мебельная мастерская, Эрику нравилась его мебель, он косился на кресло-качалку под Нил, но точно знал, что Ди бы ответил — бубнящим баритоном — что кресло не продается.

Мать Теодора, как и родители Долли, тоже могла быть где-то поблизости. Мать Теодора была певицей, некогда подающей надежды сопрано, оставившей эстрадную карьеру ради семьи. Творчество Вильгельмины Густавссон¹⁰ было сложным и понятным далеко не всем... Оно было эмпатией в музыкальной обертке.

Сама Вильгельмина была похожа на инопланетную кошку, с фактурным вытянутым лицом, золотыми волосами и серо-голубыми глазами-озерами. Вильгельмина была ростом почти с Эрика, такой же долговязой и худой.

Уже спустя час задний двор был оживленным и шумным, все набежали к столам с антикварной посудой, садовыми

⁹ Дилан Вермиллион — один из главных персонажей романа «Рыцарь, красавица, чудовище, шут»; также упоминается в романах «Замок Альбедро» и «Байесовская игра».

¹⁰ Вильгельмина Густавссон — одна из главных героинь романа «Рыцарь, красавица, чудовище, шут».

принадлежностями, крафтовыми деревянными фигурками и детскими игрушками. Эрик уже двигался к выходу, со старой книгой под мышкой — про лекарственные древесные растения латвийских лесов, — лавируя между посетителями.

Женщина с каштановыми волосами отступила от прилавка и врезалась в него, она вскрикнула и тотчас обернулась. — Простите! — всплеснула она руками.

Эрик таращился на нее, будто увидел привидение, его парализовало, он не мог выдать ни звука. Незнакомка из клуба — в таком же парике, только другого цвета — стояла напротив него, на ней была белая свободная футболка, даже под ней он различил очертания мальчишеской фигуры с маленькой грудью и острыми сосками.

Эрик пяtilся, ладони вспотели. Он надеялся, она его не узнала — потому что на нем были солнечные очки. Он уже чуть в кого-то не влетел так же, как это сделала с ним знакомка; он затерялся в толпе, он заметил, как она пожала ему вслед плечами и покачала головой.

Кажется, она его узнала... Да какая разница!

Она их соседка? Она пришла, потому что живет поблизости? Она знает кого-то из них?

Эрик уже вышел с территории заднего двора, но обернулся. Как назло он увидел знакомку, разговаривающую с Ди.

Эрик развернулся и пошел обратно.

— ...вот этих двоих. Они очаровательны. Вдвоем они будут весело проводить время, они идеальная пара, они наро-

жают еще много маленьких дракончиков.

— Это самцы.

Незнакомка и Ди стояли у стола с деревянными фигурами драконов в разных позах, шипастых, раскрывших пасти, выгнувших спины, свернувшихся клубком, закрыв морды завитком хвоста... Незнакомка расхохоталась, громко, хрипло, она не могла остановиться, она держала в руках двух драконов, она вытирала слезы тыльной стороной ладони.

Ди беззвучно тряся от смеха. Он улыбался осторожно, не открывая рта. Незнакомка без стеснения демонстрировала наращенные клыки в открытой пасти, по подобию драконов на прилавке.

— А я говорю, нарожают, — наконец выдавила она.

— Нет.

— Усыновят?

— Угу.

— Тогда — когда они вдоволь наразвлекаются — я приду за третьим.

— Пап! — воскликнула подлетевшая к ним Долли. — Пап, там опять твоё кресло хотят купить!

— А мама где?

— Отбивается.

Ди засопел в ответ.

— Сделай ты уже такое же второе, — продолжала Долли, — мы продадим его за миллион долларов.

Ди терпеливо вздохнул, но промолчал. Незнакомка пере-

водила взгляд с него на Долли и обратно.

— Боже, вы так похожи, вы такие красивые! Глаза и носы!

Долли тотчас заулыбалась, прильнула к отцовскому плечу и взяла его за локоть.

— Да, нам все так говорят, — с гордостью отозвалась она.

— Была бы я художником, я бы вас постоянно рисовала.

— Мама папу рисует постоянно.

Темные глаза незнакомки стали еще больше.

— Мама вон там! — указала на Нила Долли.

— Нил Блейк?

— Да!

— В кресле?

— Да!

— А вы говорите, самцы драконов не спариваются!

Долли рассмеялась.

— Так что там с креслом?

Незнакомка по-прежнему прижимала к груди деревянные фигурки, Ди молчал, они втроем смотрели в сторону тента, где Нил в красной кепке обступила толпа.

Эрик не выдержал и подошел ближе.

— Я готов купить кресло, — произнес он.

Незнакомка обернулась, рот ее был открыт.

— Даю вдвое больше, чем предложит он, — заявила она.

— Папа, сделай кресло.

— Долго.

— Я подожду, — сказал Эрик.

— Пусть Нил решит.

— Она сказала, продаст тому, кто больше предложит.

— Миссис Нил Блейк дело говорит, — улыбнулась незнакомка.

— Она миссис Нил Вермиллион, — поправила ее Долли.

— По документам.

— А-а.

— Дилан Вермиллион, — Долли указала на отца, — Долли Вермиллион, Нил Вермиллион.

— Алекс де Блан.

— Очень приятно, — кивнула Долли, протягивая ей руку, а затем обратилась к Эрику: — Мистер фон Райхенберг, а вы сколько за кресло предложите?

— Сколько попросите.

— Миллион.

— Долли.

— Папа.

Эрик снял очки, сложил их и повесил на ворот рубашки.

— Идет.

— По рукам, — согласилась Долли.

— Мистер фон Райхенберг... — засопел Ди.

— Эрик.

— Эрик, тысяча баксов и по рукам.

— Какая тысяча, — возмутилась Алекс. — Три минимум.

— Два кресла за три тысячи. Сами разберетесь, кому какое. Будет готово через два месяца.

— Три месяца, — Долли подняла палец вверх.

— Оплата по завершению.

— Половина авансом.

— Пожалуйста, присмотри за прилавком, — обратился Ди к дочери.

Беседу продолжать он был не намерен, он коротко кивнул и направился прочь.

— Драконы тоже классные! — крикнула ему вслед Алекс.

Эрик не сразу понял, что он все это время смотрел на незнакомку, а Долли смотрела на них, закусив губу.

— У меня сейчас с собой нет наличных на половину, — сказал Эрик.

— У меня тоже, — повторила за ним Алекс.

— Не страшно, — Долли махнула рукой. — Мистер фон Райхенберг, вы живете рядом, если что я вас найду. А вы, Алекс?

— Тоже, — Алекс кивнула. — Парк-авеню.

— Соседняя улица. Замечательно.

— До свидания, Долли.

— До свидания, мистер фон Райхенберг.

Эрик надел очки и качнул головой.

— До свидания, Алекс.

4. Благодарность как одолжение

— Я боюсь, что все испорчу.

— Это *человеческое*.

Эрик закрыл лицо ладонями, тяжело вздохнул.

— Она считает, что я придурок.

— Вы не можете этого знать.

Уже неделю незнакомка из клуба не выходит из головы, уже неделю после гаражной распродажи Эрик зачем-то ходил на Парк-авеню, ходил в клуб, пытался случайно встретиться с ней, искал отговорки, искал повода... Он осуждал себя — за увлечение, за влечение, за этот нарастающий интерес, азарт, любопытство.

Классика влюбленности. В его случае — граничащей с одержимостью. Он всегда влюблялся только так.

— Я не умею нормально. Я, как всегда, наворочу дел.

— Каждый ухаживает по-своему.

Эрик покачал головой.

— Нет, доктор Гаштольд, *так* нельзя. Я не стану ее преследовать, как сталкер, я не стану писать ей анонимные записки, разыгрывать спектакль, спасти ее, похищать ее...

Доктор Гаштольд ничему никогда не удивлялся — но некоторые вещи его, действительно, забавляли. Эрик был особенным — он не преувеличивал. Ядерная психопатия, идеи о собственной грандиозности, подкрепленные острым

умом, талантом и невыносимым упрямством.

— Что будет, если вы так сделаете?

— Она убедится, что я придурак.

— Но вы покажете ей, кто вы есть на самом деле. Она не будет видеть маску.

Эрик снова вздохнул.

— Сомневаюсь, что она вообще хочет знать, кто я на самом деле.

— Вы рассказывали, она просила вас поговорить с ней — чтобы узнать вас.

— Это другое.

— А в чем отличие?

— Она хотела знать, чего от меня ожидать. Тогда.

— Она узнала?

— Да. Вполне.

— И она пошла с вами.

— В том контексте этого было достаточно... Нет, это другое. Я не хочу на один раз, я хочу всерьез.

Преследование и похищение — всерьез. Кого он обманывает? Старый дурак.

— Что будет, когда вы удовлетворите свое желание? Когда голод пройдет, когда вы переспите с ней?

— Вы думаете, я наиграюсь и успокоюсь?

— Я не знаю. Вы знаете.

Эрик заерзал в кресле, на этот раз он не отзеркаливал позу доктора Гаштольда, он не мог долго сидеть неподвижно.

Он то дрыгал ногой, но закидывал ногу на ногу, то садился, расставив колени.

— Я боюсь, что это серьезно, — скривился он.

— Что плохого, что это серьезно?

— Она увидит, кто я на самом деле, она уйдет...

— И разобьет вам сердце.

— Да.

— А если она полюбит вас — и вы разобьете ей сердце?

— Темные Небеса, я не знаю! Я устал об этом думать, я постоянно об этом думаю! Я не могу перестать думать!

— Ну так додумайте до конца. Вы запрещаете себе увидеть все целиком, вы боитесь признаться, что влюбились, вам нравится это состояние, и, одновременно, вы бьете себя по рукам и не даете этим насладиться.

Эрик засопел и вновь зашевелился.

— Что мне делать?

— Увидьтесь с ней, поговорите с ней. Развейте фантазии о ней, увидите ее настоящую. Может быть, вам разонравится — и тогда проблема решится сама собой.

Эрик не хотел, чтобы разонравилось... Он упивался этими дурацкими терзаниями, пусть и сублимировать в работу он их не мог. Он нашел повод от всего отвлечься, он сам это прекрасно понимал. Вторичная выгода любовной зависимости, слепой одержимости — диссоциация и сужение фокуса.

Азарт охотника, все силы — только на одну задачу.

— И что я ей скажу?

— Правду.

— Привет, я решил поговорить, и штаны снимать не обязательно, — искаженным голосом произнес Эрик. — Я думаю о тебе постоянно. На этот раз я не убегу.

— Если она умная, она поймет.

— Она поймет... И рассмеется.

— Чтобы приободрить вас.

— Меня не надо приободрять, — фыркнул Эрик. — Ей не нужен неудачник. Знаете, почему я ее выбрал? Ей было с самой собой хорошо, ей никто был не нужен. Она смотрела на меня, как на игрушку, ей было насрать, что я о ней думаю, ей было насрать, что о ней думают другие. Ей прекрасно и так. Без мыслей о постороннем мнении, без притворства. Она говорила что думает — и со мной, и с другими. Я так не могу.

— Вам же безразлично мнение представителей рода человеческого.

— Но я все время думаю, что сказать, как сесть, как я выгляжу, что обо мне подумают! Я всегда вижу себя со стороны, я всегда на сцене, я играю роль — монстра в цирке уродов, самодовольного и самоуверенного придурка, который балуется белым порошком... Я чертов позер! Я всегда хотел быть кем-то, я всегда носил маску, и теперь я не знаю, какую маску надеть, потому что ни одна не подходит, и все маски сваливаются!

Он от досады хлопнул ладонями по подлокотникам, доктор Гаштольд улыбнулся.

— Вы думаете, она без маски?

— Ну, разве что эти ее парики...

— Вы говорили, она выглядит эксцентрично.

— Немного.

— Это не маска?

— Это способ отсеять лишнее. Лакмусовая бумажка для тех, кто не смотрит глубже.

— Значит, ей важна глубина?

— Да... Но она просто живет, она просто дышит, она просто шутит, она просто говорит. Ей комфортно в своей шкуре.

— Это может быть иллюзией.

— Это можно подделать?

— По вам, например, сложно сказать, что у вас что-то не так.

— Я просто умею держать фасад и притворяться. Я актер.

— В маске.

— Да.

— Если она без маски, ей нечего скрывать, и она сразу скажет вам, что ожидать. Что вы теряете?

Эрик замялся.

— Мне просто страшно.

— Просто.

— Не знаю.

— Вы боитесь отказа?

— Ну... Да.

— Она была согласна с вами переспать.

— Это другое.

— В чем другое?

— Это просто. Это быстро. Мы бы забыли друг про друга и больше никогда не вспоминали.

— Вы понравились ей.

— Ей понравился мой голос.

— По голосу можно определить, что происходит внутри.

— Она блефовала.

— А если нет?

— Тогда это еще страшнее, доктор Гаштольд! — воскликнул Эрик. — Если она знает, *что* у меня внутри, она тем более со мной не захочет даже разговаривать.

— На гаражной распродаже она с вами разговаривала.

— Чтобы назло мне забрать кресло.

— Может, это был флирт.

— Она не умеет флиртовать. Ее флирт как у самки богомола. Она даже про запахи и голос сказала так, словно она на мясо смотрела, а не на человека.

— И вас это не смутило.

— Я подумал, что это флирт.

— А теперь?

— А теперь я думаю, что она такая же чокнутая, как и я, только еще и каннибал.

Доктор Гаштольд рассмеялся, Эрик оставался серьезным.

— Помните, в одну из встреч мы говорили об Архитекторе — и просьбе к нему. Вы сказали, что хотели бы, чтобы

у Виктора появился друг, чтобы он освободился. Вы рады этому?

Как он легко меняет тему... Эрик с облегчением выдохнул, можно было перестать отвечать на неуютные вопросы о своих *настоящих* чувствах.

— Да, конечно.

— Что бы вы сказали Архитектору, если бы встретили его?

Он уже задавал этот вопрос. Эрик вымученно улыбнулся и показал палец вверх.

— Так держать, спасибо, наконец-то.

— Благодарность как одолжение.

— Доктор Гаштольд, — Эрик посерьезнел. — Это не Архитектора заслуга, а Виктора. Он старался и шел к этому годами, он искал покоя, он нашел того, кто смотрит на него с любовью не по счастливой случайности. Бог умер, мы сами тут в ответе за то, что творим.

— И незнакомку вы тоже встретили не случайно — а сами к ней пришли?

— Да. Ногами. В клуб. По вашему совету.

— А она к вам?

— Она меня не искала и она меня не хотела. В этом проблема.

— Вы не можете этого знать.

— Ну как же...

— Вы хотели бы, чтобы она была инвариантом?

— Это слишком жестоко.

Запереть ее в вечном цикле, сделать ее бессмертной — просто потому что она имеет к нему какое-то отношение? Это хуже, чем обращение вампира — потому что вампир хотя бы может умереть и имеет хоть какой-то выбор.

— Что бы вы попросили у Архитектора, если бы встретили его?

— Доктор Гаштольд.

— Скажите, я передам.

— Не надо.

— Вы знаете, как это работает. Это не мистика — вы формулируете запрос и потом знаете, что искать.

Эрик молчал. Вдруг, если он скажет это вслух, это сработает? Что он будет делать — действительно, как доктор Гаштольд и спрашивал, — если его желание сбудется? Будет ли он благодарен? Будет ли он удовлетворен?

— Я выбираю ее. Я хочу ее себе, — сказал он.

Хлопнула дверь холла, ноги в кроссовках танцующей походкой шагали по коридору к приемной, Эрик напрягся, затаил дыхание, он прислушивался и ужасался.

Нет, нет, ему кажется, кажется, кажется, что это она. Зад в шортах плюхнулся в кресло, она вытянула длинные ноги в проход, она подберет их, как только откроется дверь кабинета психиатра...

— Очередной пунктуальный пациент, — улыбнулся Лукас Гаштольд, заметив смятение Эрика. — Наша встреча се-

годня подходит к концу. Есть что-нибудь, что вы еще хотели бы спросить?

— Нет, доктор Гаштольд.

Эрик поднялся, он шел позади, вопреки привычке не дожидаться, пока его проводят. Как только доктор Гаштольд отворил дверь, в проеме промелькнули голые ноги с острыми коленками в кроссовках, поджавшиеся к креслу.

— До встречи, доктор Гаштольд, — сказал Эрик.

— Всего доброго, Эрик.

Он лишь мельком взглянул на Алекс, он не ошибся — он никогда не ошибался... Он намеренно медленно шел, пусть и больше всего ему хотелось сбежать без оглядки, он напрочь забыл, что мог поздороваться с ней, что они уже знакомы и вовсе не стоит ее игнорировать.

Он достал телефон из кармана и сделал вид, что что-то ищет на ходу.

— Доктор Гаштольд.

— Здравствуй, Алекс.

— Прошу прощения за шорты, это *грубо*.

Она сделала акцент на последнем слове. Эрик уже почти достиг входных дверей холла.

— Я потеряла ключи от квартиры, я не смогла переодеться, — добавила она со смехом. — У меня всегда все так.

— Значит, это было зачем-то нужно.

Она вздохнула, и доктор Гаштольд закрыл за ними дверь кабинета. Эрик вышел на улицу.

5. Тигр и дракон

Сессия длится час. Эрик ждал в машине, он вспотел, он весь извелся. Когда знакомая фигура в майке и шортах появилась на крыльце офиса Лукаса Гаштольда, Эрик выбрался из автомобиля, громко хлопая дверью.

— Алекс!

Она подскочила на месте от его вопля, получилось слишком громко. Она обернулась.

— Нет, я не уступлю тебе первое кресло.

— К черту кресло!

Алекс моргнула.

Эрик уже поравнялся с ней, грудь его поднималась и опускалась от вдохов, словно он пробежал несколько кварталов к ней навстречу.

— Надо поговорить.

— Хорошо.

Они двигались вдоль тротуара, ему было плевать, куда они идут.

— Я вел себя как придурок.

— Нормально ты себя вел.

— Нет, как придурок. Извини.

— Окей, — протянула она.

— Поужинаешь со мной сегодня?

Она улыбнулась, он смотрел на нее, не отводя взгляда. Ес-

ли бы под его ногами оказался люк, а на пути — дерево, он бы не заметил.

— Смотря во сколько. Я не знаю, когда освобожусь.

— Во сколько угодно.

— Дай мне свой номер, я напишу тебе за час примерно.

— Хорошо.

Она достала телефон и приготовилась записывать.

— Ты потеряла ключи? Я случайно услышал в коридоре.

— Да, — усмехнулась она, понимая, что он уже забыл про номер телефона и ускакал куда-то вперед в своих мыслях. — Сейчас приедет слесарь ломать дверь.

— Я могу помочь.

— Сломать дверь?

— Открыть дверь.

Они повернули на Ньюингтон-авеню, Эрик шел, широко шагая, Алекс шла быстро, но вовсе не для того, чтобы за ним успевать. Она дышит иначе, она говорит иначе, она кривит губы в усмешке иначе — но есть в ней какое-то сходство, что-то перекликается, что-то отзывается... Он сравнивает, он ищет причины, он хочет разобрать на атомы свою влюбленность, чтобы понять, из чего она состоит.

Она живая, она настоящая, очеловеченная... Он, как и Виктор, везде искал подвох и беспокоился заранее. Он все уже давно понял и озвучил — и для обычных людей этого достаточно.

Она ему *нравится*.

— Ты давно ходишь к доктору Гаштольду?

— Я знаю его давно, но он не мой психотерапевт. Он, — она пару мгновений подбирала слово, — консультирует.

— Ты недавно переехала?

— Да. Чуть больше месяца назад.

— Откуда?

— Лондон.

— Это твой родной город?

— Можно и так сказать.

— А как тебе Балтимор?

— Город контрастов, эклектика, в трущобах страшно на светофоре задерживаться, в Маунт-Роял-Террас все питаются волшебной пылью и ездят на единорогах.

— Так везде.

— Согласна.

Она вздохнула и улыбнулась, он тоже улыбнулся. Он ее еще не выбесил, это хорошо.

От жары и духоты рубашка прилипла к спине, Эрик ощущал себя нелепым мальчишкой перед первым свиданием. Он по-прежнему шел боком, тараторил на Алекс, она шла спокойно, изредка поворачивая голову в его сторону.

— Почему ты переехала?

— Из-за работы.

Она немногословна, она менее разговорчива, чем обычно. Наверное, она не доверяет ему...

— А кем ты работаешь?

Эрик обычно так себя не ведет... Обычно он отвечает на вопросы, а не задает их, с козьей мордой, ироничной усмешкой, чтобы все думали, *насколько* ему наплевать.

— Я писатель.

— Здорово. А о чем ты пишешь?

Они вышли к Парк-авеню, направились вверх по улице.

— Серийные убийцы. Травма детско-родительских отношений. Психопаты... в масках.

Эрик на секунду замедлился, шаг сбился. Может, она его разыгрывает?

— Интересный выбор.

— А ты?

Эрик любил говорить о себе. Все, что он обыкновенно говорил, всегда было о нем — и ему было плевать, что его никто не слушает.

— Я архитектор. Я переехал недавно, несколько месяцев назад. По работе. Что в этом городе происходит, я так пока и не понял.

Он говорил так, будто заранее готовил ответ — как описание в приложениях для знакомств.

— У меня есть сын, ему двадцать три, ты могла видеть его на распродаже...

— И жена.

— Нет у меня жены.

Эрик посмотрел на свою левую руку — с привычным кольцом на безымянном пальце. Эту же руку он засовывал в

Алекс, этой же рукой он...

— Я вдовец.

Он снял кольцо и надел на правую руку.

Алекс рассмеялась.

— Нет-нет-нет, так не работает. Я не встречаюсь с жена-
тыми, я не принимаю заказы на убийства жен.

— У меня нет жены!

Она же согласилась с ним поужинать, зачем она его драз-
нит?!

— Эрик.

Она остановилась, он тоже замер, от звука голоса внутри
все перевернулось. Имя — настоящее волшебное заклина-
ние для тех, кто умеет пользоваться магией голоса. Она уме-
ла, она делает все специально — только он не мог понять за-
чем. Если это проверка, то он слишком остро реагирует...

— Эрик, расслабься, ты получишь то, что хочешь.

— Ты не знаешь, чего я хочу.

— Зато ты знаешь. Ты же архитектор, ты все знаешь за-
ранее.

Хороший архитектор знает — а он влюбленный придурок.

— Ты меня отталкиваешь. Зачем?

Она пошла дальше, он шагал рядом.

— Это защитная реакция. Ты мне понравился, я боюсь,
что ты окажешься придурком.

— Но я придурок.

— Пока не настолько.

— Да, у меня есть жена, я с ней не виделся восемь лет. Кольцо я ношу, чтобы такого придурка, как я, точно никто не захотел.

— Но так не работает.

— Я знаю.

Она качала головой и улыбалась, пряди волос парика колыхались от движения, как настоящие. Если бы он не был настолько внимательным, он бы не догадался.

Алекс вновь остановилась и развернулась на пятках.

— Мы прошли дом, — бросила она.

Эрик хотел рассмеяться — но получился только сдавленный смешок. Она играет с ним — как кошка с мышью.

— Я просто не хотела прерывать диалог, — добавила она.

— Спасибо.

Темные Небеса, ну что с ним такое?! Ему нравилось все — даже странный юмор.

Она сдерживала улыбку, они молча достигли крыльца кирпичного здания из совмещенных домов — одного из множества, поднялись по каменным ступеням. В доме — три этажа, на каждом этаже по квартире.

Алекс нажала на кнопку звонка одной из квартир. На первом этаже кто-то зашуршал подошвами тапок.

— Мистер Харрис, — крикнула ему Алекс, подойдя ближе к окну, через которое были видны домашние цветы. — Это Алекс, ваша соседка с третьего. Пустите меня в коридор, я ключи потеряла!

Несколько секунд спустя дверь отворилась, на пороге стоял округлый седой пожилой мужчина в очках.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте, Алекс. Только не кричите в следующий раз.

— Хорошо, мистер Харрис.

— Это слесарь?

— Это друг, мы будем вместе грустить.

— Грустить не надо.

— Хорошо, не будем.

— Майки опять исчез?

— А как вы догадались?

— Потому что вы грустить собрались.

— Он не отвечает на звонки. У него наверняка был запасной комплект ключей. Спасибо, мистер Харрис.

Сосед развел руками и исчез в своей квартире, они уже поднимались по узкой лестнице вверх.

— Майки это хозяин?

— Угу, — отозвалась Алекс, она шла впереди Эрика, ее лопатка с узором татуировки была на уровне его лица. — Не в первый раз уже так.

— Не в первый раз теряешь ключи?

— Нет, в прошлый раз потек кран под раковиной на кухне, я чуть не затопила соседей на втором этаже. Я думала, я поседею, у меня руки из задницы, я этим всем никогда заниматься не умела. До хозяина квартиры я дозвонилась только

на следующий день, он сказал, чтобы я сама со всем разбилась. В итоге все и так сделали без его участия.

Хозяин их арендованной двухэтажной квартиры тоже сказал, что ему наплевать, что они там будут делать — пока они платят ему каждый месяц.

Алекс не дошла до пролета, она остановилась у последней ступеньки и села на лестницу. Эрик прошел дальше.

Он наклонился, чтобы рассмотреть замок.

— Что бы ты хотела на ужин?

— Рыбу.

Эрик выпрямился, едва уловимым движением дернул кистью правой руки — будто вытряхивал что-то из манжеты или с браслета часов, — а затем потянулся к замочной скважине. Пара мгновений — и замок щелкнул. Эрик повернул ручку и открыл дверь.

Алекс сидела вполоборота на ступенях и смотрела на него снизу вверх, рот ее открылся.

— Замок все равно придется сменить, — сказал он. — Без ключей тебе будет неудобно.

— Спасибо.

Она, вероятно, хотела сказать что-то другое, но не могла подобрать слов. Она поднялась с лестницы, она прошла в квартиру через отворенную дверь, Эрик вошел следом.

— Кофе, безалкогольный коктейль, вода? Токайского нет, есть Зект в холодильнике.

Эрик не скрывал улыбку, он шагал не спеша, он ощущал

себя котом, который зашел в новый дом и непременно должен оставить после себя шерсть и запах. Метить территорию, как кот, он не собирался — но очень хотелось.

— Вода.

Она вымыла руки, прежде чем взять чистый стакан, набрать в него воду и подать ему. Эрик не сводил с нее глаз.

— Где этот чертов слесарь? Он должен заменить замок. Через полчаса мне надо будет ехать.

— Куда?

— Психиатрическая лечебница Балтимора для особо опасных невменяемых преступников.

Эрик поднес стакан ко рту, но так и не сделал глоток.

— Зачем?

— У меня там друг.

— Друг?

Она его опять разыгрывает, скорее всего, это для ее книг — писатели любят искать прототипов для злодеев в реальной жизни.

В дверь с крыльца позвонили, Алекс оставила Эрика одного и пошла вниз открывать, он выпил воду залпом.

— ...ломать ничего не надо, только сменить замок, — объясняла она, пока они со слесарем поднимались по ступеням. — Вы за полчаса управитесь?

— Да, конечно.

Слесарь был молодым широкоплечим шестифутовым шатеном с голубыми глазами. Рельеф мышц под футболкой и

комбинезоном, узкая талия, круглая задница... Алекс забыла про него, как только он остался на пороге у двери, она прошла на кухню и налила себе воды.

— Я могу отвезти тебя, — сказал Эрик.

— Хорошо, — не сразу кивнула Алекс.

— Значит, рыба.

— И рислинг.

— Я умею готовить.

— Верю.

Виктор уже который день ночует у Теодора, Эрик может пригласить ее к себе... Он пытался не представлять, не додумывать, не фантазировать — и просто отдаться течению. У обычных людей все просто.

Слесарь шуршал, звенел и стучал, Алекс поставила стакан на раковину.

— Я переоденусь. Располагайся пока, это может быть долго, — она указала подбородком на фигуру в комбинезоне.

Эрик оставил стакан на кухне и прошел в комнату. На диване сидел плюшевый красный дракон, большой, размером с подушку, с жилистыми крыльями, раскрытой белозубой пастью, серо-голубыми глазами.

Эрик сел рядом.

У него было ощущение, что он попал не в свой спектакль, что он ошибся сценой, забыл текст, безнадежно запутался — а спросить он не решается, стесняется, он мечется и что-то

делает невпопад, лишь бы не прекращать играть — потому что действие должно быть непрерывным.

Он видел круглый зад слесаря, яркий комбинезон, он думал, понравился ли бы Алекс этот слесарь — который выглядел больше как натурщик или модель одежды для фитнеса, — если бы слесарь начал подкатывать к ней шары в клубе.

За мгновение до того, как Алекс вышла из соседней комнаты, человек в комбинезоне обернулся.

— Все готово, — сказал он.

— Замечательно, — просияла Алекс.

На ней был свободного кроя черный брючный костюм. Парик был розовый.

Слесарь зазвенел связкой новых ключей, он протянул их. Алекс шла ему навстречу, но заметила Эрика на диване, держащего дракона — и улыбнулась еще шире, уже Эрику.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.